

Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963.

Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy in Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. Vol. 15.

Svoronos N. Les Nouvelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes. Athènes, 1994.

Wasilewski T. La disparition des tagmata impériaux à Byzance dans la seconde moitié du XIe siècle // *Actes du XVe Congrès international des Études byzantines*. Athens, 1980. Vol. 4.

О. В. Семенов

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ

Включение в состав Московского государства земель Верхнего Прикамья, известных как Пермь Великая, – событие чрезвычайно важное, существенно повлиявшее как на судьбу обитавшего там коми-пермяцкого населения, так и на всю последующую историю нашей страны. Простираясь с запада на восток от Камы до Уральских гор, захватывая верховья Печоры на севере и упираясь в быстрые воды Чусовой на юге, приуральские земли не только способствовали обогащению казны великих князей, но и сыграли роль плацдарма для дальнейшего продвижения русской государственности на восток. Именно из Перми Великой отправлялись покорять Зауралье и Сибирь первые отряды служилых людей, отсюда началась крестьянская колонизация просторов «за Камнем». Повинность по продовольственному (в форме так называемых «сибирских отпусков») и материальному обеспечению территорий Верхотурского, Пелымского, Туринского, Тюменского и Тобольского уездов легла не легким грузом на плечи чердынских посадских людей и крестьян. Да и в административном отношении Зауралье некоторое время подчинялось пермским наместникам. Между тем, как это ни парадоксально, в историографии до сих пор остается неразрешенным до конца вопрос о дате присоединения Перми Великой к России.

Первые достоверные известия о проникновении русских в Приуралье относятся к концу XI в. [см.: *Повесть временных лет*, 129]. Край манил обилием природных богатств (в первую очередь пушниной), получить которые, при наличии малочисленного и уступающего в военном отношении населения, не представляло особой сложности. Двумя столетиями позже данные земли уже фигурируют в составе новгородских волостей. Зависимость эта тем не менее оказалась чисто формальной. Ограничиваясь нерегулярным сбором дани и осуществляемыми время от времени походами, Новгород не сооружал здесь городов и острогов, не насаждал своей администрации. Иной характер носила московская колонизация туземных территорий. Включившись в активную

борьбу с новгородцами, преемники Ивана Калиты пытались прочно обосноваться на новых землях, сделать их органической частью набирающего силу княжества. Однако реализовать подобную политику удавалось далеко не сразу.

Несмотря на безусловное наличие региональных особенностей, включение в состав Московии пограничных северо-восточных территорий проходило по четко продуманному плану и осуществлялось в два этапа. Касаясь первого из них, можно говорить лишь о начале присоединения, когда великие князья вынуждены были сохранять местную социально-политическую организацию и зачастую довольствоваться только формальным господством над новыми землями. От аборигенов требовалось шертование на верность своему сюзеру, объявлялось «государево жалованное слово», они облагались военной повинностью и необходимостью уплаты дани (да и то не всегда). Так, в июне 1532 г. в Казань отправились окольный Я. Г. Морозов и дьяк А. Курицын с целью привести к присяге (на условиях быть неотступным от России) ставленника Василия III хана Джан-Али, а вместе с ним и «всю землю» [см.: Воскресенская летопись, 57]. Ни о какой русской администрации на этапе начала присоединения не могло идти речи, а все управление оставалось в руках лояльной туземной знати. Степень самостоятельности ее действий зависела от таких факторов, как личность правителя, удаленность от России, внешнеполитическая конъюнктура, наличие (или отсутствие) внутренней оппозиции и т. д. Например, подталкиваемый необходимостью бороться с Казахской ордой и подавить мятежи непокорных феодалов Кучум в 1571 г. согласился платить царю ежегодную необременительную дань в 1000 соболей [см. об этом: Шашков, 2001, 24]. При этом основатель Сибирского ханства никоим образом не был стеснен Иваном IV в собственных действиях. Играя на русско-крымских противоречиях, определенную самостоятельность сохранил и ногайский князь Исмаил, шертовавший московскому царю в 1557 г. [см.: Кушева, 1950, 264].

В случае необходимости против ослушников посылались карательные экспедиции. Попавших в плен князьков приводили к новой присяге, «жаловали» их же землями и отпускали или заменяли другими представителями из местной знати. Примерно таким образом закончились походы московских воевод в 1465, 1483, 1499–1500 гг. в Приобье.

Непрочность позиций Москвы, формальная зависимость от нее нерусских территорий объясняются в первую очередь отсутствием в них российского аппарата управления [см.: Сергеев, 1967, 174], введение которого могло быть осуществлено только при определенных условиях. Во-первых, речь идет о необходимости наличия в крае более или менее значительного славянского населения. Во-вторых, о создании укрепленных баз, которые символизировали бы установление на территории власти великого государя [см.: Зуев, 2002, 136]. Так, общеизвестно, что пути «за Камень» были хорошо освоены торговыми и промышленными людьми еще задолго до похода Ермака. Выменивая у аборигенов «мягкую рухлядь» и сооружая острожки, они подготовили почву для достаточно быстрого вхождения Зауралья и Сибири в состав Российской державы. Об огромном значении опорных пунктов красочно свидетельствуют также и постройка Свияжска накануне «казанского взятия», и основание в 1593 г. для

подавления мятежа и уничтожения государственности Пелымского и Кондинского княжеств городов Березова и Пельма [История Ханты-Мансийского автономного округа..., 1999, 60].

Немалую роль в деле окончательного включения новых земель в состав Русской державы играла церковь. Очень показательным здесь является пример Перми Вычегодской, в которой в 1383 г. была учреждена епархия (данное событие позволило даже некоторым историкам весьма поспешно и опрометчиво заявить о фактическом присоединении края к России [см.: Оборин, 1976, 8]). В условиях отсутствия на землях коми-зырян системы наместнического управления, епископ пермский являлся единственным проводником московского влияния и получил от великого князя широкие права, которые в то время обычно имели наместники [см.: Чагин, 2000, 281]. Он вершил суд, собирал торговые пошлины и занимался организацией обороны против нападения вятчан и новгородцев. Если к этому добавить его активную миссионерскую деятельность, крещение язычников и возведение храмов, то станет понятным, почему в середине XV в. край с такой легкостью окончательно вошел в состав владений Василия II.

Все отмеченные выше процессы, происходившие как стихийно, так и вследствие целенаправленной политики Москвы, в конечном итоге привели ко второму этапу – этапу окончательного присоединения территории к России, когда ликвидировались остатки ее самостоятельности, вводились новое административное деление и система наместнического управления, а местное население облагалось стабильной и фиксированной данью [см. об этом: Зуев, 2002, 136].

В научной литературе до сих пор ведется дискуссия по вопросу о времени окончательного присоединения Верхнего Прикамья к России. Так, некоторые исследователи (В. А. Оборин, Г. Н. Чагин, Л. Д. Макаров) относят его к 1451 г. Тогда, по их мнению, Василий II направил в Чердынь наместника Михаила, представителя бывшего удельного Верейского княжества. Тем самым произошло мирное включение Перми Великой в состав Русского государства [см. об этом: История Урала..., 1989, 146; Чагин, 2000, 281; Макаров, 2001, 25]. Позиция ученых всецело основывается на показаниях опубликованной в 1958 г. Вычегодско-Вымской летописи [см.: Флоря, 1967, 228]. В источнике помещен рассказ о том, как великий князь «прислал... на Пермскую землю наместника от роду вереиских князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном ево Василием правити Пермской землей Вычегоцкою, а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню. А ведати им волости вычегоцкие по грамоте наказной по уставной» [Вычегодско-Вымская летопись, 26]. К сожалению, как будет показано ниже, историки слишком доверчиво отнеслись к летописному сообщению и даже не совсем точно его прочитали.

Предположение о русском происхождении вымских и великопермских князей вызвало вполне обоснованные возражения. Так, превосходный знаток боярско-княжеских генеалогий средневековой Руси А. А. Зимин подчеркнул, что в XV в. никакого Ермолая из верейского удельного дома не было [Зимин, 1991,

143–144]. Точка зрения о принадлежности пермских князей к местной знати господствовала еще в дореволюционной историографии (А. А. Дмитриев, В. В. Голубцов, С. М. Соловьев) [см.: Соловьев, 1993, 80]. Нашла она сторонников и среди ряда современных исследователей [см., например: Шашков, Редин, 1996, 17]. Наиболее развернутую аргументацию в пользу коми-пермяцкого происхождения потомков князя Ермолая дал Е. В. Вершинин, по мнению которого, слово «верейские» ошибочно попало в текст летописи вместо названия «перемские» [см.: Вершинин, 2000, 293]. Действительно, внимательное прочтение уже введенных в научный оборот источников подтверждает справедливость данной позиции.

Вычегодско-Вымская летопись имеет довольно позднее происхождение (конец XVI – начало XVII в.) и, как выясняется, изобилует многочисленными ошибками. Возьмем хотя бы один пример. В сообщении под 1484 г. «печаловавшийся» перед Иваном III за пленных югорских князей казначей В. Г. Ховрин превращен в князя В. Ковра [см. об этом: Вычегодско-Вымская летопись, 27]. К тому же Устюжский летописный свод, заслуживающий куда большего доверия и оказавшийся одним из источников для составителя Вычегодско-Вымской летописи, недвусмысленно говорит о Ковре, что «сей бысть первый от русских князей» [Устюжская летопись, 99]. В ходе повторной попытки христианизации епископ Иона «княжат Михайловых крести» [Вычегодско-Вымская летопись, 1989, 26]. Если принять во внимание, что летописец коми-пермяцкую знать называет исключительно «сотниками», то следует предположить, что речь идет о родственниках (или даже сыновьях) Михаила Ермолича, которые, таким образом, оставались язычниками. Лишним доказательством в пользу нерусского происхождения вымских и великопермских князей служит терминология. Как сообщает летопись, государь Ермолая и Василия «прислал» в Пермь Вычегодскую, а вот Михаила «отпусти». По наблюдению Е. В. Вершинина, в терминологии источников XV в. «отпустить» означало «отпустить обратно, восвояси», т. е. туда, где лицо правило и до этого [см.: Вершинин, 2000, 293]. Действительно, в 1465 г. Иван III «отпусти домой» также плененных югорских князей Калбу и Течика.

Таким образом, с полным основанием можно утверждать, что князья вымские и великопермские принадлежали к коми-пермяцкой знати.

Дискуссионным остается вопрос и об управленческом статусе князя Михаила. Те историки, которые настаивали на его русском происхождении, склонялись к тому, что старший из Ермоличей являлся великокняжеским наместником [см.: Макаров, 2001, 25]. Отсюда следовал вывод о том, что в середине XV в. Пермь Великая вошла в состав Русского государства. Все доказательства в пользу этого взгляда основывались фактически только на сообщении Вычегодско-Вымской летописи. Однако внимательное прочтение источника приводит к иному выводу. В действительности в известии под 1451 г. слово «наместник» относится только к отцу и брату Михаила. Да и наказная грамота выдавалась не ему, а посланным в Пермь Вычегодскую Ермолаю и Василию: «а ведати им волости вычегоцкие (разрядка наша.– О. С.) по грамоте наказной уставной» [Вычегодско-Вымская летопись, 26].

Для включения в состав России Перми Великой в середине XV в. не было ни внутренних, ни внешних условий. Влияние и позиции великих князей в Верхнем Прикамье отличались слабостью и непрочностью. Здесь отсутствовало сколько-нибудь значительное русское население, на которое могло бы опереться московское правительство (тот же В. А. Оборин вынужден был признать, что оно было невелико [см.: Оборин, 1974, 12]). Колонизации края препятствовали его удаленность и постоянные набеги со стороны казанцев и пелымских вогуличей. Не имела здесь Москва и разветвленной сети опорных пунктов. Для первой половины XV в. достоверно известно о существовании только Анфаловского городка (1401–1409), точное местоположение которого не установлено. Что же касается Соликамска, положившего начало посадской колонизации Приуралья, то время его появления до сих пор вызывает споры. Так, по признанию Л. Д. Макарова, «...ссылка В. Н. Берха на малодостоверные сведения о начале Соликамска около 1430 г. археологического подтверждения пока не нашла: выявлены древности не ранее второй половины XVI в., хотя впервые даже в летописи он упомянут под 1506 г.» [Макаров, 2001, 24].

Незначительным было и влияние в Перми Великой православной церкви. Местное население оставалось по преимуществу языческим, а первая попытка христианизации, предпринятая в 1455 г. епископом Питиримом, окончилась неудачей (владыку убили вторгшиеся вогуличи) [Софийская II летопись, 128]. Только после усилий владыки Ионы в 1462 г. в крае появятся первые храмы и монастыри, начнет образовываться многочисленная паства.

Одним из аргументов в пользу того, что Василий Темный не мог назначить в Пермь Великую своего наместника, служит также и отсутствие с его стороны какой-либо демонстрации военной силы (первый поход русской рати в Верхнее Прикамье состоится только в 1462 г.). Да и с чисто формальной стороны эта территория до начала 1470-х гг. принадлежала Новгороду [см.: Соловьев, 1993, 80].

Для Московского государства начало 1450-х гг. было временем не самым удачным, чтобы устанавливать порядки на отдаленных территориях. В стране не закончилась династическая война, а Дмитрий Шемяка, поддерживаемый вятчанами и новгородцами, все еще питал надежду на возвращение к власти. К тому же в 1451 г. произошло опустошительное вторжение татарского царевича Мазовши, который сумел преодолеть окский рубеж, беспрепятственно дошел до столицы и «посады у Москвы пожгоша и много зла сотвориша» [Клосс, 1976, 273]. Неожиданный поворот событий заставил великого князя пуститься в бегство.

Таким образом, можно считать доказанным, что в 1451 г. Пермь Великая не была включена в состав России. Правильнее говорить лишь о начале процесса ее присоединения. Очевидно, что сторонники гипотезы раннего вхождения верхнекамских земель в Московское государство сами чувствовали слабость своих аргументов. На это, в частности, указывает противоречивость их утверждений. Так, В. А. Оборин называл князей великопермских то наместниками, то удельными князьями [см.: Оборин, 1990, 273], а присоединение региона относил не только к 1451 г., но и к 1472 г. [История Урала, 1976, 43].

В 1450–1460-е гг. зависимость Перми Великой от России была во многом формальной. Михаил Ермолич признавал сюзереном великого князя, выставлял по его требованию вооруженные отряды и, по всей видимости, платил собираемую им же дань; к сожалению, не известно, была ли она постоянной и четко фиксированной, но некоторые основания сомневаться в этом дает известие о срыве задуманной здесь в 1481 г. переписи населения. Тем не менее все управление находилось в руках местной знати, которая чувствовала себя достаточно независимо и даже небезуспешно пыталась проводить собственную как внутреннюю, так и внешнюю политику.

Московское правительство с самого начала приступило к укреплению в Верхнем Прикамье своих позиций. Как и в случае с Пермью Вычегодской, основную ставку великий князь сделал на церковь. Е. В. Вершинин выдвинул интересное предположение о том, что в начале 1450-х гг. на Пермь Великую распространились границы Пермской епархии. В качестве доказательства ученый ссылается на текст произведения церковно-житийного характера, близкого по времени появления к описываемым событиям: «Память о епископе Питириме». По свидетельству источника, церковным собором во главе с митрополитом Киевским и Всея Руси Ионой «поставлен бысть епископом Велицей Перми» Питирим. Дело в том, что последний еще до рукоположения Ионы в митрополиты (декабрь 1448) возглавлял Пермскую епархию (тогда она включала в себя только Пермь Вычегодскую). Но и Пермь Великая названа здесь не по ошибке, поскольку составитель «Памяти» точно воспроизводит титул Ионы, который последним из московских иерархов именовался митрополитом Киевским и Всея Руси [см. об этом: Вершинин, 2000, 297].

Москва не сразу добилась успеха в укреплении своих позиций в крае с помощью религии. Первая попытка крещения коми-пермяков в 1455 г. была сорвана вторжением пелымских вогуличей, возглавляемых князем Асыкой и его сыном Юмшаном. Прекрасно осознавая последствия христианизации и в то же время предъявляя претензии на господство в Верхнем Прикамье, они убили епископа Питирима «в месте зовемый Кафедраил на реке Помосе» [Вычегодско-Вымская летопись, 26]. С этого момента северо-восточная окраина Русского государства «становится из-за пелымских набегов местом крайне беспокойным» [Шашков, 1999, 168]. К повторному крещению усть-вымские владыки приступили только спустя несколько лет: в 1462 г. усилиями епископа Ионы приняла крещение остальная часть коми-пермяцкой знати, стали появляться первые в Приуралье храмы и монастыри.

Окончательный успех в деле христианизации языческого населения во многом необходимо связывать с укреплением позиций великого князя, который в 1456 г. усмирил Новгород («приведоша весь Новгород к целованию, что им быти у него в послушании, а его лиходеев и изменников у себе не держати» [Иоасафовская летопись, 49]) и походами 1450-х гг. обуздал Вятку.

Фактически не обеспокоило Московское государство (если не считать набега черемис и татар на Устюжский уезд в 1462 г.) и Казанское ханство. К тому же накануне миссии Ионы Москва впервые продемонстрировала коми-пермякам свою военную мощь, что сделало их более сговорчивыми: посланные

«на черемису» воеводы Б. Кожанов и Б. Слепой вернулись на Русь через территорию Верхнего Прикамья [Устюжская летопись, 90].

В середине 1460-х – начале 1470-х гг. Приуралье оказалось в центре ожесточенной борьбы нескольких государств. Особую обеспокоенность у Ивана III вызывала активность Казанского ханства и Пелыма. Пытаясь сохранить независимость подчиненного ему региона, Михаил Ермолич с выгодой для себя играл на московско-татарских противоречиях, хотя и не осмелился на открытый разрыв с великим князем. Так, в ходе русско-казанской войны 1467–1469 гг. коми-пермяки, как точно подмечено летописью, в походы «убоясь не пошли, за казанцов задалися» [Вычегодско-Вымская летопись, 26]. Более того, Чердынь проводила собственную внешнюю политику. В 1467 г. без всякого согласования с Москвой князь Михаил объединился с вятчанами и «вогуличь воивал» [Очерки истории и культуры Верхотурья..., 1998, 23].

Для того чтобы наказать непокорного васала, Ивану III предварительно требовалось отвести от себя вогульско-казанскую угрозу и привести в покорность Новгород. Некоторую обеспокоенность вызывали также переговоры Казимира Литовского с ханом Большой Орды Ахматом [см.: Худяков, 1923, 35]. Уже в 1465 г. войска под руководством воеводы В. Скрыбы, преодолев Уральские горы, землю Югорскую «за великого князя привели». Спустя четыре года был заключен мир с казанским ханом Ибрагимом. А в 1471 г. Новгород, потерпев от москвичей поражение, подписал «отказную грамоту», по которой лишился восточных волостей, в том числе и Перми Великой [История Урала..., 1989, 148]. Только теперь у Московского государства оказались развязаны руки.

Весной 1472 г. из Устюга Великого под руководством князя Ф. Пестрого на коми-пермяков «воевати их за их неисправление» двинулись войска [Вологодско-Пермская летопись, 244]. От устья реки Черной по Весляне и Каме ратники «на плотех и с коньми» сплавились до Анфаловского городка. Отсюда Пестрый с частью служилых людей пошел «на конех на верхнюю землю» к Искору, а отряд Г. Нелидова был отпущен на Урос, Чердынь и Покчу, где находился князь Михаил Ермолич. На реке Колве Пестрый без особого труда разгромил основные силы пермичей, а затем взял Искор. При этом в плен попали местные «воеводы» (вероятно, речь идет об аборигенной знати) – Кача, Бурмот, Мачкин и Зырян. Успешно действовал и Нелидов. Силы русских соединились при впадении реки Покчи в Колву. Здесь Пестрый поставил городок, после чего «седе в нем» и «приведе всю землю ту за великого князя». Плененный князь Михаил вместе с другими представителями местной знати был отослан в Москву, а сам воевода «остался тамо в городке Покче» [Никонская летопись, 148]. Перед нами очень интересные свидетельства. Во-первых, в Перми Великой появился еще один опорный пункт Русского государства. Во-вторых, вполне вероятно, что в то время, когда князь Михаил находился в Москве, все управление Верхним Прикамьем сосредоточилось в руках Пестрого. Это, безусловно, укрепляло позиции Ивана III и в чем-то предвосхищало введение в Приуралье в недалеком будущем наместнического правления.

Не до конца остается ясной позиция князя Михаила. Вероятно, он не решился на активное сопротивление русским ратникам [История Урала..., 1998, 98].

Это подтверждается тем, что основные силы коми-пермяков сосредоточились не с ним, у Покчи, а у Колвы. В самом летописном рассказе, основанном на подлинном донесении воевод, о рейде Нелидова неопределенно и достаточно пространно говорится лишь то, что «Гаврило шед, те места повоевал, на которые послан». Зато дано подробное описание действий отряда Пестрого [Московский летописный свод..., 296–297]. Во многом поэтому спустя некоторое время Михаил Ермолич получил от великого князя прощение, повторно присягнул и был отпущен «на Пермь ж княжити».

События 1472 г. стали важной вехой на пути постепенного присоединения Перми Великой к Русскому государству. Тем не менее исследователи по-разному оценивали их последствия. Некоторые обнаруживали исключительную осторожность, отмечая, что и после похода Пестрого остается неизвестно, «в каком отношении находилась эта Великая Пермь и ее князь к Москве» [Соловьев, 1993, 80]. Однако немало ученых поспешило объявить о том, что произошло окончательное вхождение верхнекамских земель в состав России [см.: История Урала..., 2002, 251]. Наиболее развернутая аргументация данной позиции была дана Е. В. Вершининым. По его предположению, после повторной присяги князь Михаил превратился в московского наместника [см.: Вершинин, 2000, 302]. Таким образом, на Пермь Великую распространилась обычная для Московии система управления, с той лишь разницей, что, в отличие от других российских территорий, наместничество в Приуралье оставалось (до 1505) наследственным. К сожалению, эта гипотеза не находит подтверждения в источниках и строится на одних лишь догадках.

Еще М. Н. Тихомировым было отмечено, что в послании митрополита Симона начала XVI в. князь Матвей Михайлович назван «служгой» великого князя. Это, по мысли ученого, указывало на его вассальную, а не на служебную зависимость [см.: Тихомиров, 1962, 457]. Е. В. Вершинин опроверг данное предположение, подчеркнув, что в XV–XVI вв. термин имел много значений. Действительно, в той же Устюжской летописи под 1489 г. читаем, что «писалися вятчяны в слуги великому князю» [Устюжская летопись, 97]. Однако вряд ли это является серьезным аргументом в пользу наместнического статуса великопермских князей в последней четверти столетия. Не может считаться убедительным доказательством и ссылка Е. В. Вершинина на уставную грамоту наместнического управления XVI в., в которой содержится наказ о том, чтобы «первых судов и грамот князей пермских не посуживати» [Дмитриев, 1889, 192]. Под князьями пермскими здесь могли иметься в виду и не потомки Ермолая.

Таким образом, никаких серьезных доказательств в пользу того, что князь Михаил после 1472 г. превратился в наместника, не имеется. Пермь Великая сохранила статус зависимой, но не вошедшей окончательно в состав России территории, поскольку для этого еще не созрели ни внешние, ни внутренние предпосылки. Следует предположить, что именно поэтому, а не только вследствие слабого сопротивления князь великопермский получил прощение от Москвы.

Не сохранявшейся ли неустойчивостью позиции Ивана III в регионе объясняется также срыв переписи населения Верхнего Прикамья в 1481 г., который

летописец благополучно списал на разорение от вторжения пелымских вогуличей [см.: Вычегодско-Вымская летопись, 27]? В то же время неоспоримо, что события 1472 г. способствовали усилению московского влияния в Приуралье. Возведение города Покчи, ставшей резиденцией князя Михаила, и повторная присяга Ермолича (к сожалению, неизвестны ее условия) поставили великокняжеского вассала под более пристальный контроль со стороны русского правительства.

О происходивших в последней четверти XV – начале XVI в. событиях в Перми Великой известно очень мало. В 1481 г. она подверглась крупному нападению со стороны пелымского князя Асыки. Вогуличи неудачно осаждали Чердынь, сожгли Покчу (при этом погиб князь Михаил), но потерпели сокрушительное поражение от Андрея Мишнева «с шилники и с устюжаны» [Шашков, Редин, 1996, 19]. Москва не замедлила с ответом. Спустя два года состоялся грандиозный поход «за Камень», возглавляемый князем Ф. Курбским и И. Салтыковым-Травиным. Во исполнение вассальных обязанностей выставили ратников и пермичи [см. об этом: Вологодско-Пермская летопись, 276]. Следуя вишеролозьвинским путем, русские разгромили Пелым, а затем, устремившись по Тавде, Тоболу и Иртышу на Обь, пленили «большого» казымского князя Молдана и двух сыновей князя Екмычая. Следствием похода стало подписание мира в городе Усть-Выме. Отныне остяцкие Казымское, Кодское и Обдорское княжества признали зависимость от Москвы и обязались уплачивать дань [История Урала, 1976, 43]. Чуть позже аналогичные условия были навязаны пелымскому князю. Тем не менее главенство Ивана III над остяцко-вогульскими владениями во многом оставалось таким же формальным, как и в случае с князем Михаилом до карательного похода 1472 г.

Окончательное присоединение Верхнего Прикамья к России произошло только в начале XVI в. Как сообщает летопись, в 1505 г. великий князь «разгневан бысть и свел с Великие Перми вотчича своево князя Матфея и родню и братию ево, а в Перме велел быти» русскому наместнику В. А. Ковру [Иоасафовская летопись, 132]. На край была распространена московская система управления и характерный для нее управленческий аппарат с «кормлением» и регулярной сменяемостью административных лиц. Таким образом, целенаправленная, проводимая в течение предшествующих десятилетий политика русского правительства по усилению своих позиций в Перми Великой дала положительные результаты: к началу нового столетия регион активно заселялся славянским населением, в нем успешно действовала православная церковь, имелось несколько опорных баз власти великого князя, а самостоятельность Матвея Михайловича во многом оставалась чисто номинальной.

К необходимости более прочного закрепления в Приуралье Ивана III подталкивали и внешнеполитические реалии. После гибели в 1481 г. хана Большой Орды Ахмата резко ухудшились московско-тюменские отношения, поскольку Шейбаниды стали претендовать на главенство среди других татарских государств и даже на возрождение Золотой Орды. Враждебная политика Ибака и его преемников проявлялась как в откровенном подстрекательстве к набегам на российское порубежье пелымских вогуличей, так и в прямых угрозах.

Например, в 1489 г. Тюмень в ультимативной форме потребовала от Ивана III отпустить из плена бывшего казанского хана Али, а в 1496 г. хан Мамук изгнал из столицы Поволжского юрта великокняжеского ставленника Мухамед-Эмина [см.: Иоасафовская летопись, 132]. Определенную обеспокоенность в Кремле вызвали и взаимоотношения с Крымом. Союз между двумя государствами не имел перспектив для дальнейшего существования после того, как в июне 1502 г. была уничтожена Большая Орда [см. об этом: Хорошкевич, 2000, 142]. Не случайно с начала XVI в. на полуострове стали охотнее принимать королевских послов, существенно сократили набеги на польско-литовские земли, а в 1503 г. Менгли-Гирей в достаточно резкой форме потребовал от великого князя выпустить из белозерского заточения своего пасынка Абдул-Латифа, угрожая в противном случае расторгением всех взаимных договоренностей.

Не могли не ускорить присоединение к России Перми Великой и очевидные внешнеполитические успехи. Речь идет о ликвидации Большой Орды, победоносном походе воевод князя С. Ф. Курбского, П. Ф. Ушатого и В. Бражника на Югорскую землю и «на вогуличи», а также об удачных войнах с Литвой.

Однако последним, что подтолкнуло великого князя к столь радикальному шагу, явились события в Казани. Весной 1505 г. русский ставленник Мухамед-Эмин прислал к Ивану III «з грамотою о неких делах» князя Шаинсифа. Неизвестно, в чем заключались жалобы хана, однако к нему незамедлительно отправился окольничий М. Кляпик с наказом, «чтобы он тем речем всем не потакал» [Никоновская летопись, 259]. Ситуация в Поволжье не могла не обеспокоить правительство, опасения которого оправдаются чуть позднее, 24 июня, когда казанский владетель осуществит открытый разрыв с Москвой.

Выбор на роль наместника кандидатуры князя В. А. Ковра не был случайностью. Этот опытный администратор прекрасно разбирался в сложившейся в Приуралье обстановке, поскольку, как свидетельствуют приведенные А. А. Зиминим данные, он в 1503 г. уже наместничал в соседней Перми Вычегодской [см.: Зимин, 1974, 284]. Возможно, определенную роль сыграли политические позиции Ковра, ибо Мухаммед-Эмин мотивировал свои враждебные действия тем, что приносил «роту» не за Василия, а за великокняжеского внука Дмитрия.

Положительные результаты от введения наместничества дали о себе знать той же весной. «В понедельник на Страстной недели» в пределы Перми Великой «без вести» вторглись тюменские татары во главе с сыном хана Ибака Кутлук-Салтаном. Оставив безуспешные попытки взять Чердынь, неприятельские войска «землю Нижнюю извоивали», а «в Усолье на Каме (Соликамске.— О. С.) русаков вывели и высекли». Несмотря на абсолютную внезапность удара, Ковер собрал ратников и «по полой воде в судах» организовал преследование супостата. На волоке между Сылвой и Уфой татары были разбиты, а их арьергард уничтожен [Устюжская летопись, 99].

Таким образом, Пермь Великую ожидала судьба многих нерусских территорий, вошедших в разное время в состав Московского государства. До 1505 г. власть над коми-пермяцким населением сосредоточивалась в руках местной

знати, которая, хотя и находилась в вассальной зависимости от великого князя, зачастую проводила самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Только к началу XVI в. созрели необходимые предпосылки для окончательного вхождения Верхнего Прикамья в состав России, ускоренного внешними реалиями. Поэтому Иван III сместил ненадежных великопермских князей и утвердил в крае обычный для московских земель аппарат наместнического управления.

Вершинин Е. В. И еще раз о князьях Вымских и Великопермских // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000.

Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959.

Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859.

Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989.

Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. 1. Пермь, 1889.

Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.

Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ. 1974. Т. 94.

Зуев А. С. К вопросу о присоединении к России крайнего северо-востока Сибири во второй половине XVII – начале XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2002.

Иоасафовская летопись. М., 1957.

История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Под ред. А. А. Преображенского. М., 1989.

История Урала с древнейших времен до конца XIX в. / Отв. ред. Б. В. Личман. Екатеринбург, 1998. Кн. 1.

История Урала с древнейших времен до середины XIX в. Екатеринбург, 2002.

История Урала. Т. 1. Пермь, 1976.

История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX в.: Хрестоматия / Под ред. Д. А. Редина, А. Т. Шашкова. Екатеринбург, 1999.

Клосс Б. М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. М., 1976.

Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // ИЗ. Т. 34. 1950.

Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001.

Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949.

Никоновская летопись (до 1505 г.) // ПСРЛ. Т. 11–12. М., 1965.

Оборин В. А. Возникновение и ранняя история г. Чердыни XV–XVII вв. // Из прошлого Чердынского края. Пермь, 1974.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Иркутск, 1990.

Оборин В. А. О присоединении Перми Великой к Русскому государству в XV в. // Исследования по истории Урала. Вып. 4. Пермь, 1976.

Очерки истории и культуры Верхотурья и Верхотурского края. Екатеринбург, 1998.

Повесть временных лет // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. М., 1957.

Сергеев В. И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. М., 1993.

Софийская II летопись // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982.

Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. М., 2000.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.

Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001.

Шашков А. Т. Первые московские походы за Урал и Усть-Вымский мир 1484 г. // Обские угры. Мат-лы II сибирского симпози. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1999.

Шашков А. Т., Редин Д. А. История Урала с древнейших времен до конца XVIII в. Екатеринбург, 1996.

Д. А. Редин

ВТОРАЯ ОБЛАСТНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА ВЕЛИКОГО И СТАНОВЛЕНИЕ УРАЛЬСКОЙ ГОРНО-ЗАВОДСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ¹

История горно-заводского управления на Урале, в том числе и начальный ее этап, так часто обращала на себя исследовательское внимание, что очередное сочинение на данную тему требует предварительного объяснения побудительных авторских мотивов, которые могут быть сведены к следующему.

Так сложилось, что в историографии ураловедения, посвященного изучению XVIII в., горно-заводская тематика (во всех ее проявлениях) занимает исключительно доминирующее положение. Конечно, в значительной степени это обусловлено объективными причинами: крупная горно-заводская мануфактурная промышленность стала главным фактором, повлиявшим на процесс местного регионообразования. Будучи явлением масштабным и многогранным, она во многом обусловила региональную специфику практически во всех сферах жизни местного общества, приковав к себе внимание современников и потомков, в том числе и профессиональных историков. В то же время эти обстоятельства привели к своего рода аберрации исторического зрения: за деревьями не стало видно леса. История уральской металлургии (включая и историю ее управления) стала изучаться как некая самоценная и оторванная от широкого контекста данность. Такой подход к региональной истории XVIII в. очевидно исчерпал себя; тупиковая ситуация проявилась в кризисе ураловедческой историографии в конце 1980-х – 1990-е гг., в том числе в кризисе некогда (1960–1970-е) мощного и продуктивного научного направления, созданного в Уральском государственном университете им. А. М. Горького (Свердловск) профессорами В. Я. Кривоноговым, А. Г. Козловым и их коллегами и связанного

¹ Статья подготовлена при поддержке Министерства образования Российской Федерации, грант Г02–1–27.